

сядзіць на перавернутым чоўне пры слаба тлеючым вогнішчы і дыміць люлькай (З.Бядуля)”.

Калі адасоблены прыдатак адносіцца да аднаго з аднародных членаў, якія выражаны назоўнікамі, то для іх даскладанага размежавання ў сказе гэты прыдатак выдзяляецца працяжнікамі: “Маці, Алімпа — яе сястра і мы збіралі ягады на паляне (Я.Колас); “Андрей, Сцяпан — селянін з суседняй вёскі — і незнаёмая дзяўчына выйшлі на дарагу (П.Пестрак)”. Адасабленне такіх прыдаткаў узмоцненым не з’яўляецца.

Адасобленыя акалічнасці адцяляюцца працяжнікам, калі яны ўдакладняюць або паясняюць іншую акалічнасць у сказе, размешчаны ў канцы сказа і калі іх не менш чым дзве : “Сані рыпяць па-ранішняму — глуха, коротка, непрыветна (Я.Скрыган)”; “Хата пабудавана на вясковы лад — проста і адмыслова (К.Чорны)”.

Адасабленне акалічнасцей з’яўляецца ўзмоцненым, калі яны выражаны інфінітывам або інфінітыўным словазлучэннем, размешчаны ў канцы сказа і аддзелены ад паясняемага выказніка іншымі членамі сказа: “Да Сцёпкі зайшлі хлопцы — пазнаёміцца (Я.Колас)”; “Слава пайшоў у напрамку пасёлка — сустрэць Сцяпана Каваля (П.Петрак)”.

Узмоцненым з’яўляецца адасабленне аднародных акалічнасцей, калі яны маюць удакладняльны характар і аб’яднаны паміж сабой злучнікамі “іці,або”: “Усюды — далёка і блізка — жаданая ява ўстае (П.Броўка)”; “Заўсёды — зімой ці летам — ён хадзіў у цёплай шапцы (М.Лынькоў); “Усюды — на полі, у лесе або дома — ён не сядзеў без работы (З.Бядуля)”.

Прааналізаваны фактычны матэрыял дае магчымасць сцвярджаць, што асноўнымі граматычнымі ўмовамі ўзмоцненага адасаблення з’яўляюцца размяшчэнне адасобленых членаў у канцы сказа, іх удакладнены або паясняльны характар, развітасць, колькасны склад. Пералічаныя граматычныя ўмовы пры пунктуальным афармленні адасобленых членаў сказа прадвызначаюць пастаноўку працяжніка, а не коскі.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ СЛОВА

Г.П. Кузикович

Военная академия Республики Беларусь

Значение слова или (на языке когнитивной семантики) “схваченный” словесным знаком концепт, изначально обладает способностью к динамике. Вербализуя результаты когнитивной деятельности человека,

словесные знаки выступают в качестве своеобразных “меток” в континуальном семантическом пространстве языка.

Во все времена ученые пытались объяснить семантическую динамику слова, природу и причины полисемии. Множество работ посвящено проблемам тождества и различия значений, системности вторичных значений, способов организации значений полисеманта и т.п.

Современный взгляд на данные проблемы с акцентом на доминирующей роли когнитивных процессов подготовлен целым рядом исследований, в особенности теми, в которых освещается разноуровневая природа семантики (различение прежде всего языкового и концептуального уровней) и устанавливаются модели семантических преобразований имеющих значения (мотивирующих единиц).

Когнитивный подход к динамике не идет в разрез с традиционным, но дальше развивает его. Оба подхода опираются на языковую форму, оба учитывают фактор языковой системности. Однако в работах традиционного подхода преувеличена роль языкового фактора и недооценена роль внеязыкового. Это пытаются преодолеть когнитивная лингвистика, стремясь если не предсказать, то, по крайней мере, объяснить рождающееся разнообразие вторичных значений.

В когнитивной лингвистике полисемия рассматривается не просто как глубоко коренящаяся в структуре языка семантическая универсалия, но как когнитивный механизм и конститутивное свойство естественных языков. Так, М.В. Никитин акцентирует роль концептуального уровня семантики и сравнивает значение слова с гравитационным полем «со сгущением масс и тесным их взаимодействием в центре и ослабевающими к периферии силами тяготения, способными, однако, захватить и вовлечь в свою орбиту, хотя бы на время, те или иные концепты» [1, с. 203].

Формирование концептуальных структур исследуется в современной лингвистике посредством когнитивного моделирования, в котором наряду с техникой фреймовой и прототипической семантики используются такие инструменты моделирования, как концептуальная деривация, концептуальная внутренняя форма, концептуальная схема и некоторые другие.

Значительный интерес представляет построенная на фреймовой семантике и теории ментальных пространств концепция Л.В. Бабиной, которая выдвигает в качестве когнитивной основы вторичных значений **концептуальную деривацию**. Механизм концептуальной деривации возможен благодаря способности человеческого сознания переключаться с одних концептов на другие, а также смысловой близости участвующих в

рождении новой концептуальной структуры концептов и возможность их интеграции.

Ведущую роль в рассматриваемом механизме играет концептуальная интеграция, которая, по мнению лингвистов-когнитологов относится к числу базовых ментальных операций человека (Ж. Фоконье, М. Тернер, О.К. Ирисханова, Л.В. Бабина и др.).

С концепцией Л.В. Бабиной перекликаются схожие между собой концепции Е.Г. Беляевской и А.А. Зализняк, которые адаптируют теории внутренней формы слова В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни к нуждам современной лингвистики и трактуют внутреннюю форму слова как исходную точку семантической деривации.

В понимании А.А. Потебни, внутренняя форма слова это – не только и не просто признак, положенный в основу номинации, но и акт мышления – вынесение суждения об именуемом.

Е.Г. Беляевская обнаруживает сходство между традиционным понятием внутренней формы слова и понятием концептуальной структуры и считает, что моделирующим началом, которое превращает смысловое пространство, стоящее за словом, в упорядоченную информационную структуру, служит **концептуальная внутренняя форма** – некое схематизированное представление обозначаемого класса объектов.

При этом она указывает на двухслойное строение семантики, которая складывается из собственно смыслового содержания и концептуальной внутренней формы, структурирующей это смысловое содержание, и подчеркивает вариативность концептуальной внутренней формы, способной по-разному структурировать результаты когнитивной деятельности человека. Предлагаемое понятие концептуальной внутренней формы соотносится со всеми значениями полисеманта.

А.А. Зализняк опирается на мысль А.А. Потебни о развитии посредством внутренней формы слова сети связей в системе знаний человека и вводит в качестве инструмента моделирования понятие **концептуальной схемы**. Последняя «включает необходимые отличительные признаки для ряда близких, накладывающихся друг на друга концептов, но представленные в более обобщенной, более “абстрактной” форме, чем соответствующие семантические компоненты в составе дефиниции каждого из этих концептов (= частных значений слова или группы слов)» [2, с. 110].

Компоненты концептуальной схемы могут быть двух типов – обычные элементы метаязыка словарных толкований и более абстрактные формулы или их невербальные репрезентации, как, например, скрытый оценочный компонент в концептуальной схеме абстрактного имени *сожаление*.

Концептуальная схема имеет широкий радиус действия: она может соотноситься как с одной лексической единицей, так и с несколькими

единицами одного синонимического ряда, с производными разных частей речи и со словами разных языков, находящимися в отношении переводной эквивалентности.

В значительной мере она перекликается с известной схемой У. Найссера, моделирующей сборку элементов концептуальных структур, но имеет более обобщенный характер. Это – понятие, объединяющее разные метаязыковые техники; в его качестве могут выступать *семантический инвариант, общее значение, прототипический сценарий*, а также соединение разных типов компонентов и техник.

Устройство концептуальной схемы зависит от семантики слова и степени его многозначности. Для интересующих нас многозначных абстрактных имен, или, как пишет А.А. Зализняк, для именовании нематериальной сферы, эта схема «обычно представляет собой набор семантических компонентов плюс некое неформальное описание прототипической ситуации» [2, с. 41].

В силу своей вариативности концептуальная схема более универсальна по сравнению с *семантическим инвариантом, прототипом, концептуальной сетью* и некоторыми другими, связанными с исследованием семантической динамики слова понятиями. Но это не значит, что для исследования определенных типов лексических единиц не могут быть использованы более частные инструменты когнитивного моделирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики: Учеб. пособие / М.В. Никитин. – СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
2. Зализняк, А.А. Многозначность в языке и способы ее представления / А.А. Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.

БЕЛОРУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КВАНТИТАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ «НОРМА»

Е.П. Маюк leaka@tut.by

Минский государственный лингвистический университет

Одним из важнейших понятий современного миропонимания, наряду с пространством, движением, временем, является количество. Языковые средства вербализации квантитативных представлений демонстрируют особенности восприятия количества определенным этносом под влиянием экстра- и внутрилингвистических факторов. В белорусской лингвистике и литературоведении языковые средства выражения категории квантитативности анализируются в работах А.Е. Супруна, П.В. Верхова, М.А. Жидовича, А.И. Наркевича, А.И. Чабярук [1, 2, 3, 4, 5]. Однако